

Тело незнакомца было испещрено глубокими ранами от мечей и сабель — их насчитывалось не меньше десятка. Самыми опасными казались две: одна на поясе, другая прямо у сердца. Края разрезов, обнажавших кости, побелели и вывернулись наружу от долгого пребывания в воде. Окажись на месте Юаньцзина обычный десятилетний мальчик, он бы в ужасе лишился чувств или, по крайней мере, задрожал от страха.

Однако Юаньцзин лишь сосредоточенно принялся очищать раны от грязи. Он сорвал большой лист, наполнив его водой — для стороннего наблюдателя это была обычная речная вода, но на самом деле мальчик щедро, не жалея, лил на раненого драгоценную влагу из духовного источника. Осмотревшись, он собрал нужные травы, растер их камнем в кашицу и приложил к порезам, после чего оторвал полосу ткани от подола нижней рубахи незнакомца и крепко перевязал самые серьезные повреждения.

Все это время Му Чэнъянь не сводил глаз с Юаньцзина. Он наблюдал, как тот деловито суетится над ним, как ищет в зарослях лечебные корни. Когда травяная смесь коснулась плоти, мужчина почувствовал странную, пронзительную прохладу. Будь перед ним опытный лекарь, такая уверенность движений не вызвала бы вопросов, но в десятилетнем ребенке эта невозмутимость казалась пугающей и почти сверхъестественной.

Странно, но у Му Чэнъяня даже не возникло мысли остановить его. А вдруг эти травы только ухудшат состояние? С каких пор он стал так безоглядно доверять первому встречному?

Юаньцзин чувствовал на себе тяжелый, пристальный взгляд, но лишь плотнее сжал губы и продолжал работу. Его мало заботило, что кто-то может заподозрить неладное в его медицинских познаниях. Закончив, он вновь наполнил лист водой из источника и поднес к губам раненого.

— Выпей, — негромко произнес он.

Мужчина смотрел на него еще три секунды, после чего послушно приоткрыл рот. Юаньцзин осторожно наклонил лист, и прохладная, удивительно сладкая вода потекла в горло. Му Чэнъянь жадно, почти неистово пил.

Видя, что тот не отказывается от помощи, Юаньцзин немного успокоился. Он по собственному опыту знал, какую чудодейственную силу имеет эта вода: в прошлом его собственная рана затянулась так быстро, что уже через пять дней он напрочь забыл о боли.

Когда Му Чэнъянь плотно сомкнул губы и качнул головой, мальчик убрал руку. Издалека донеслись голоса — Юаньцзина звали.

— Перевязка пока слишком грубая, — быстро зашептал он. — Если веришь мне, приходи ночью в храм. Я останусь там до утра. Найди меня, и я обработаю раны как следует, нужно сменить

лекарство. Друзья зовут меня, я должен идти.

Он бросил последний взгляд на раненого и поспешил прочь. Взгляд Му Чэнъяня преследовал его до тех пор, пока фигура мальчика не скрылась за поворотом тропы.

Юаньцзин понимал: будь перед ним обычный незнакомец, его поведение выглядело бы верхом безрассудства. Но он-то знал, что спас своего возлюбленного. Ради кого-то другого он вряд ли стал бы так рисковать, а уж тем более тратить воду из духовного источника — кто знает, человека ты спасаешь или демона.

Сунь Вэньминь окликнул его еще раз, и когда Юаньцзин наконец показался, юноша улыбнулся:

— Куда ты запропастился? Мы с братом Юем уже решили, что тебя похитили горные духи.

Юаньцзин невольно рассмеялся:

— Если кого и похищать, то только тебя, брат Сунь. Я для них еще слишком мал.

Сунь Вэньминь так и прыснул со смеху. Когда Юаньцзин подошел, они плечом к плечу направились к беседке.

«Горные духи? Тао Юаньцзин?» — Му Чэнъянь мысленно повторил эти слова, и на его суровом лице промелькнуло подобие улыбки.

Для него этот внезапно появившийся мальчик и впрямь был сродни лесному духу: не по годам холодный, расчетливый, обладающий искусством врачевания. Несмотря на скудость средств, повреждения были обработаны мастерски. Му Чэнъянь уже чувствовал, как по телу разливается живительная сила. Еще немного отдыха — и он сможет подняться.

Вернувшись в беседку, Юаньцзин немного поболтал с Сунь Вэньмином и Юй Сяо, после чего предложил остаться в храме на ночь. Он убедил их, что так они смогут лучше отдохнуть и насладиться видами, не утомляя себя обратной дорогой в город. Оба кабинетных ученых с радостью согласились.

Набравшись сил, троица двинулась дальше к вершине. Уходя, Юаньцзин мельком глянул в сторону тайного убежища раненого. Он надеялся, что силы источника хватит тому до вечера и что мужчина найдет способ пробраться в храм.

По пути Юаньцзин то и дело собирал лечебные травы. Сунь Вэньминь и Юй Сяо лишь забавлялись, принимая это за детское увлечение. В какой-то момент мимо них проследовала процессия богатого дома: слуги несли паланкин, в котором явно скрывалась знатная дама. Друзья вежливо отступили в сторону, не выказывая праздного любопытства.

На вершине их уже ждали Тао Даюн и слуги. Стоило сыну подойти, как отец попытался отвести его в сторону для секретного разговора, но Юаньцзин попросил его подождать и сначала уладил дела с ночлегом. Тао Даюн, разумеется, во всем доверился сыну.

— Юаньцзин, поговори с отцом, а мы пока найдем, где нам приклонить голову, — тактично предложил Сунь Вэньминь.

— Договорились.

Когда они остались одни, Тао Даюн увлек сына в укромный уголок. Лицо его выражало крайнее изумление.

— Цзин-бао, ты не согласишься, кого я видел!

От переизбытка чувств он снова сорвался на домашнее прозвище. Юаньцзин вскинул брови — что могло так взволновать отца? В голове мелькнула догадка.

— Неужели Тао Эрью? — выпалил он.

— Именно её! — Даюн едва не хлопнул себя по колену, но вовремя спохватился и понизил голос до шепота. — Она только что спускалась с горы. Ты должен был встретить их по пути! Она теперь в служанках у той богатой семьи, и, похоже, устроилась неплохо. Ходит при молодой госпоже, одета-обута — куда там другим девкам. Прямо как барышня городская!

Юаньцзин и впрямь удивился. Спустя два года новости о бывшей родственнице настигли его в самом неожиданном месте.

— Папа, а вы столкнулись взглядами? Она тебя узнала?

Даюн замахал руками:

— Нет-нет, я один гулял, услышал девичий смех и решил в сторонку отойти, чтобы не смущать. И надо же было такому случиться — увидел её профиль. Сразу признал: вылитая Эрья! Спрятался в кустах и еще поглядел для верности. Точно она, только зовут её теперь не Эрья, а Юйчжу или как-то так.

— Ничего страшного, отец. Мы видели эту процессию, но вежливо отвернулись. Она наверняка и не помышляет, что мы можем быть здесь, в столице провинции.

— Верно. Она небось думает, что мы всё еще в деревне кукуем. А я потом еще поспрашивал людей про ту семью. Сказали, фамилия их Янь, богатые купцы. Как в город вернемся, я разузнаю про них поподробнее.

Даюн был осторожен. Он помнил дурной нрав Эрью: если девка выбьется в люди и затаит обиду на их ветвь семьи, она может попытаться навредить будущему Юаньцзину. Он готов был лично задушить её, лишь бы она не встала на пути его сына.

Юаньцзин кивнул:

— Пожалуй, стоит знать, с кем имеем дело. Но будь осторожен, папа.

— Не беспокойся, всё сделаю в лучшем виде.

Закончив разговор, они вышли к друзьям. Юаньцзин не ожидал, что одна вылазка за город принесет столько сюрпризов. Впрочем, его это скорее радовало. Он с нетерпением ждал ночи.

Монахи выделили им небольшой дворик, где компания и разместилась. Поужинав постной едой, Юаньцзин обнаружил одну сложность: он делил комнату с отцом. Это значило, что незнакомец не сможет просто так зайти. Мальчик места себе не находил, надеясь, что тот либо проявит смекалку и подаст знак, либо дождется, пока Даюн уснет.

Уложив отца пораньше, Юаньцзин сел под лампой с книгой в руках. Мысли его были далеко от текста. Даюн, привычный к тому, что сын засиживается допоздна, поворочался, размышляя об Эрью и семье Янь, и вскоре мирно захрапел.

Спустя неопределенное время в тишине двора послышался негромкий стук упавшего камешка. Юаньцзин мгновенно вскочил. Убедившись, что отец крепко спит, он спрятал заранее приготовленные вещи за пазуху, бесшумно выскользнул за дверь и прикрыл её за собой.

Ориентируясь на звук, Юаньцзин заметил темный силуэт у стены двора. Фигура шевельнулась и направилась в сторону. Юаньцзин поспешил следом. Он ни на миг не сомневался: это был Му Чэньань, тот самый раненый, которого он спас днем.

Тень остановилась лишь в самом укромном месте. Мужчина обернулся, и в его глазах промелькнуло удивление. Он не был уверен, что мальчик выйдет — для ученого такие ночные прогулки были опасны. Что же заставило этого десятилетнего ребенка проявить такую смелость?

— Твои раны... как они?

Мужчина промолчал, лишь едва заметно кивнул, продолжая пристально изучать Юаньцзина.

Мальчик достал из-за пазухи инструменты и травы.

— Позволь мне осмотреть тебя снова.

— Хорошо, — коротко бросил тот.

Он принялся развязывать одежду прямо перед Юаньцзином. Мальчик и не подумал отвернуться: во-первых, перед ним был его избранник, а во-вторых, истинный лекарь никогда не должен стыдиться наготы пациента.

Юаньцзин жестом указал Му Чэнъяню на плоский камень. Тот сел, и Юаньцзин, будучи всего десяти лет от роду, почувствовал, насколько велик этот человек — сидя, тот казался едва ли не вдвое выше ребенка. Наконец, когда мужчина устроился поудобнее, Юаньцзину больше не приходилось задирать голову. Он машинально потер затекшую шею, не заметив, как уголок губ незнакомца дрогнул в мимолетной усмешке.

Юаньцзин принялся снимать дневные повязки. Ткань насквозь пропиталась кровью. Ничего не поделаешь: даже лучшие кровоостанавливающие травы бессильны, если раненый постоянно находится в движении.

«Сколько же в нем крови, если он до сих пор на ногах?» — подумал Юаньцзин, заметив бледность его губ в лунном свете.

— Я хочу наложить швы, — произнес он. — Иначе такие глубокие раны будут затягиваться слишком долго. Я выпросил иголку и нитки у молодого послушника. Если ты согласен, я приступлю.

— Что это значит? — В глазах Му Чэнъяня, этого «человека старой закалки», мелькнуло недоумение. Он никогда не слышал о подобном методе.

Юаньцзин, готовя иглу, вкратце объяснил суть. Он уже простерилизовал инструмент на огне свечи и немного изменил форму иглы для удобства.

Му Чэнъянь понял: его тело собираются сшивать, словно кусок материи. Если это поможет ранам закрыться — что ж, он готов был стать подопытным в руках этого странного ребенка.

— Делай что нужно. Я стерплю.

Юаньцзин мельком взглянул на него. Души их были слишком близки, и он сразу почувствовал решимость мужчины. Мальчик еще немного поворчал о необходимости чистоты, после чего вновь обработал раны. К его радости, благодаря воде из источника воспаления не было, и жара у раненого тоже не наблюдалось — видимо, сказалось крепкое телосложение.

Тщательно промыв разрезы духовной водой, Юаньцзин принялся за шитье. Ощущение от иглы, пронзающей живую плоть, было не из приятных, но мальчик даже бровью не повел. Он работал быстро и уверенно; казалось, он проделывал это сотни раз — настолько спокойным и отточенным было каждое движение.

Пока он накладывал швы, он продолжал негромко объяснять, что раненому нужно пить воду с солью и сахаром, и даже назвал точные пропорции. Видя, что одежда на мужчине всё та же, пропитанная грязью и кровью, Юаньцзин понял: тот до сих пор один и не встретился со своими людьми. Он не верил, что у такого человека нет верных слуг под началом.

Затянув последний узелок изящным «бантиком», Юаньцзин снова наложил кашицу из трав и наложил повязку. Чистой ткани не было, пришлось использовать старую, предварительно промыв её.

— Готово. В ближайшие дни старайся не совершать резких движений. Когда всё затянется, сможешь сам вытянуть нитки. — Юаньцзин объяснил, как это сделать, не смущаясь молчания собеседника.

Помогши мужчине одеться, Юаньцзин понял, что пора уходить. Поводов оставаться больше не было. Он собрал остатки ниток и повернулся, чтобы уйти.

— Чэнъань. Меня зовут Чэнъань. Ты спас мне жизнь, и я твой должник. Подумай, какой награды ты хочешь, и скажи мне при следующей встрече.

Юаньцзин едва не ляпнул, что за спасение жизни полагается отдавать себя в жены, но вовремя прикусил язык — в его нынешнем теле это прозвучало бы глупо и даже оскорбительно. Он лишь вежливо склонил голову:

— Хорошо. До встречи, Чэнъань.

На этот раз он ушел решительно, не оборачиваясь.

«Чэнъань? И это всё?» — размышлял он по пути.

В памяти о «сюжете» этого мира не было никого с таким именем. Но человек с такой аурой и запахом крови не мог быть безвестным бродягой.

Уже переступив порог комнаты, Юаньцзин замер. Он вспомнил. Му Чэнъань.

Это имя упоминалось лишь в воспоминаниях главных героев. Прежний князь Чжэньбэй, названный отец главного героя. В оригинальной истории говорилось, что он пал жертвой заговора: столичные чиновники в сговоре с врагами предательски убили его. После его смерти титул перешел к приемному сыну — тому самому главному герою. А героиня — обычная деревенская девушка — прошла путь до самой княгини Чжэньбэй, став предметом зависти всех женщин империи.

Юаньцзин и представить не мог, что его возлюбленный окажется именно этой фигурой. Днем он оценил возраст мужчины — около тридцати лет. Для Юаньцзина, чья душа была «старым

имбирем», это был сущий пустяк, но сама ситуация забавляла. Выходит, в будущем он может стать отчимом главного героя? Отчимом, который младше своего пасынка?

Если героиня всё же сойдется с главным героем, родственные связи запутаются окончательно. Впрочем, та героиня уже точно не будет его кузиной Тао Эрьюй — у него есть только одна сестра Тао Эрьюй, и та — обычная смертная.

Вспомнив сотню всадников, спешивших в город, Юаньцзин окончательно убедился: они искали Му Чэнъяня. Тот до сих пор не показался своим, значит, люди эти прибыли с дурными намерениями. Судя по сюжету, старый князь Чжэньбэй должен был сгинуть именно в это время, чтобы освободить место наследнику.

Состояние раненого было куда лучше, чем днем — жизненная сила этого мужчины была поразительной. Юаньцзин успокоился: теперь тот вряд ли умрет так рано, как было предначертано. С этой мыслью он быстро уснул.

На следующее утро, позавтракав, компания спустилась с горы.

У городских ворот они обнаружили, что охрана удвоена, а досмотр стал куда строже. От многих солдат пахло кровью — всё указывало на то, что заварушка с князем Чжэньбэй была в самом разгаре. Юаньцзин лишь бесстрастно скользнул взглядом по страже. Заметив, что ни отец, ни Юй Сяо не почуяли нелада, он спокойно последовал за ними в город.

В последующие дни Юаньцзин вместе с Юй Сяо посетил несколько литературных собраний, знакомясь с другими учеными. Тао Даюн тем временем продолжал наводить справки о резиденции Янь.

Юй Сяо уже снискал себе славу среди сверстников. К его новому другу — десятилетнему Аньшоу уезда — все проявляли живой интерес. Юаньцзин вел себя скромно, в меру сил слагал стихи и старался не затмевать Юй Сяо.

По правде говоря, Юй Сяо действительно был гением: острый ум, прекрасная база знаний. Юаньцзин не сомневался, что на дворцовых экзаменах тот будет в первых рядах.

Поскольку Юаньцзин не стремился выделиться, на него вскоре перестали обращать особое внимание. Мало ли в империи Аньшоу уездов — не каждый дойдет до финала. Мальчика это ничуть не задевало, его душа пребывала в полном покое.

Вернувшись однажды с прогулки, он увидел отца. Тот подал ему знак глазами, и Юаньцзин сразу прошел в комнату. Даюн зашел следом.

— Юаньцзин, я всё узнал.

— Папа, выпей сначала чаю, не торопись, — Юаньцзин наполнил чашку.

Даюн осушил её одним глотком и принялся рассказывать.

Хотя семья Янь в Вэньчане считалась просто богатыми купцами, у главы дома была родная сестра, удачно вышедшая замуж в столицу за брата самого хоу. Это давало Яням в Вэньчане огромный вес: все заискивали перед ними, забывая о «презренном» торговом происхождении.

Однако в последнее время удача отвернулась от дома Янь. Сначала глава семьи попал под сильный дождь, слег с лихорадкой и вскоре скончался — даже лучшие лекари города не смогли его спасти. Его законный сын был еще слишком мал, чтобы взять дела в свои руки, и всё наследство неминуемо должно было отойти боковым ветвям рода. Положение вдовы и ребенка стало шатким, и госпожа Янь решила бросить всё и уехать в столицу, под крыло золовки.

— В тот день в храме они молили богов о легкой дороге. На следующее утро вся семья покинула Вэньчан и отправилась в Пекин. Раз Тао Эръя при их барышне, значит, и она укатила. Теперь мне спокойнее, — закончил Даюн.

Юаньцзин задумчиво прищурился:

— Какая у нее, однако, удача. Из нашей глуши — и напрямиком в столицу.

Даюн вздохнул:

— И не говори. Удивительно, как небо позволяет такой девке так высоко взлететь. Впрочем, и наш Юаньцзин никогда не был обделен благословением.

Юаньцзин лишь улыбнулся, сделав свои выводы. В будущем, оказавшись в столице, он наверняка еще услышит о Тао Юйчжу. Инерция сюжета была поразительной: даже после того как он сорвал с неё маску, она ухитрилась проложить себе путь. Её везению и хватке можно было только позавидовать.

Он чувствовал, что в Пекине его ждут куда более крупные сюрпризы. Дела явно не ограничивались простым везением.

Впрочем, в эти древние времена женщине из «заднего двора» будет ох как непросто дотянуться до него — если, конечно, она не найдет себе могущественного покровителя.

К тому же, по сравнению с воспоминаниями Тао Юйчжу о её «прошлой жизни», Юаньцзин окажется в столице намного раньше. Если она будет слепо полагаться на свою память, то вряд ли успеет вовремя подготовить ловушку.

<http://bllate.org/book/15835/1502291>